

© Совет Европы/Европейский суд по правам человека, 2012 г. Настоящий перевод не налагает на Суд никаких обязательств. Дополнительная информация приводится в полной версии уведомления об авторском праве в конце документа.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012. This translation does not bind the Court. For further information see the full copyright indication at the end of this document.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012. La présente traduction ne lie pas la Cour. Pour plus de renseignements veuillez lire l'indication de copyright/droits d'auteur à la fin du présent document.

Информационный бюллетень по прецедентной практике суда № 98

Июнь 2007 г.

Дело «Фреро (Frérot) против Франции» - 70204/01

Судебное постановление от 12.06.2007 г. [Секция II]

Статья 3

Унижающее достоинство обращение

Полный личный обыск заключенного, включающий систематический осмотр анального отверстия, после каждого свидания на протяжении двухлетнего периода: *нарушение*

Статья 8

Статья 8-1

Уважение корреспонденции

Отказ передать письмо заключенного товарищу-заключенному на основании министерского циркуляра и определение понятия «корреспонденция заключенного» в зависимости от ее содержания: *нарушение*

Статья 13

Эффективное средство правовой защиты

Отсутствие эффективного внутреннего средства правовой защиты, позволяющее заключенному оспорить отказ в отправке корреспонденции: *нарушение*

Обстоятельства дела: Заявитель был приговорен к пожизненному лишению свободы. Его приговорили по обвинению в убийстве, захвате заложников, заговоре, хранении и ношении оружия, нарушении законодательства об обороте взрывчатых веществ и терроризме. На седьмом году пребывания в тюрьме ему впервые сказали открыть рот при личном обыске. За отказ он был помещен в штрафной изолятор. На протяжении нескольких месяцев ему предъявляли требование осмотреть рот во время личных обысков, без предупреждения или после свиданий, и дважды при выезде за пределы тюрьмы. В случае отказа он направлялся в штрафной изолятор. Впоследствии он был переведен в тюрьму с более строгим режимом, где в течение двух лет при выходе из комнаты свиданий он подвергался личному обыску с раздеванием, причем ему предъявлялось требование «наклониться и

откашляться». Аналогичному обыску он подвергался после участия в заседании суда присяжных. В случае отказа его помещали в штрафной изолятор.

Заявитель обратился с заявлением о признании недействительными положений Циркуляра Министра юстиции от 1986 года в отношении личных обысков и проверки почтово-телеграфной корреспонденции заключенных. Он также обжаловал отказ начальника тюрьмы в пересылке своему знакомому в другой тюрьме письма, содержащего информацию, которая могла помочь последнему подать ходатайство об условном освобождении, на том основании, что письмо не соответствовало «определению понятия корреспонденции».

Государственный совет (*Conseil d'Etat*) отклонил жалобу заявителя по поводу обыска, но признал недействительным министерский циркуляр, запрещающий любую переписку между заключенными, содержащимися в дисциплинарных камерах, и их знакомыми, родственниками или посетителями. Отказ в пересылке письма другому заключенному представлял собой внутреннюю административную меру, не подлежащую судебной проверке.

Право: Статья 3 - В целом, Европейский суд находит, что цель личных обысков, установленная процедура и ограничения, предусмотренные Циркуляром министра юстиции от 1986 года и Уголовно-процессуальным кодексом, являются допустимыми. На этот вывод не влияет даже принуждение заключенного «при особых обстоятельствах поиска запрещенных предметов или вещей» «наклоняться и откашляться», что обеспечивает возможность осмотра ануса, при условии, что такая мера допускается лишь в случае абсолютной необходимости, с учетом особых обстоятельств и при наличии серьезных оснований подозревать, что заключенный скрывает предмет или вещество в этой части своего тела. Заявитель не утверждает, что личные обыски с раздеванием не отвечали установленной процедуре или что их цель или цель других обысков заключалась в унижении заключенного, а также что персонал не проявлял к нему уважения или вел себя по отношению к нему так, что можно было подозревать наличие такого намерения.

Вместе с тем, следует учитывать все обстоятельства дела. Заявитель часто подвергался обыскам с раздеванием. Обыски проводились в связи с событиями, которые, очевидно, делали их необходимыми в целях безопасности или предотвращения преступлений: перед заключением в дисциплинарную камеру с целью удостовериться, что он не скрывает на теле предметов, с помощью которых может причинить себе вред, или после контактов с внешним миром или другими заключенными, которые могли передать ему запрещенные предметы или вещества, причем обыски не всегда включали систематический осмотр анального отверстия.

Однако Европейский суд поразил тот факт, что степень вмешательства при личном обыске в различных тюрьмах была разной. На протяжении более чем трех лет заключенный подвергался частым личным обыскам, во время которых его принуждали открыть рот или «наклониться и откашляться». Он подвергался осмотрам анального отверстия только в одном учреждении из девяти, в которых он содержался. Государство-ответчик не утверждает, что каждая из этих процедур была обусловлена серьезными подозрениями, что заявитель в своем анусе «скрывает запрещенные предметы или вещества», или что изменения в поведении заявителя вызвали серьезные подозрения такого рода. В указанной тюрьме заключенные обыскивались всякий раз, когда они выходили из комнаты свиданий, и систематически принуждались

«наклониться и откашляться». Предполагалось, что каждый заключенный, выходящий из комнаты свиданий, прячет предметы или вещества в самых интимных частях своего тела. Осмотр анального отверстия при таких условиях не был основан, как можно было ожидать, на «убедительных требованиях безопасности» или необходимости предотвращения беспорядков или преступлений.

Это дает основания полагать, что заявитель мог ощущать себя жертвой произвольных мер, особенно с учетом того, что процедура обыска предусматривалась Циркуляром, и каждому начальнику тюрьмы была предоставлена значительная свобода усмотрения. Ощущение произвола, неполноценности и беспокойства, часто связанного с этим, а также глубокое посягательство на человеческое достоинство, которые, несомненно, вызваны требованием раздеться и проведением осмотра анального отверстия, в сочетании с чрезмерными мерами, являющимися вмешательством в личную жизнь и сопровождающимися обысками с раздеванием, вызывало превышение степени унижения, неизбежно присущей личным обыскам заключенных. Кроме того, унижение, которое испытывал заявитель, усиливалось тем фактом, что в ряде случаев за отказ подвергнуться таким мерам его помещали в дисциплинарную камеру. Соответственно, обыски с раздеванием, которым подвергался заявитель при заключении в тюрьме Френ (Fresnes) с сентября 1994 по декабрь 1996 года, представляли собой унижающее достоинство обращение.

Постановление: нарушение (принято единогласно).

Статья 8 (в части права на уважение корреспонденции). Отказ переслать письмо заявителя, разъясняющее порядок подачи ходатайства об условном освобождении, заключенному, содержащемуся в другой тюрьме, представляет собой «вмешательство властей» в осуществление права на уважение корреспонденции. Начальник тюрьмы не обосновал свой отказ какой-либо из причин, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом (который признает принцип свободы корреспонденции заключенных); он посчитал, что письмо «не соответствовало определению понятия корреспонденции». Однако ни один закон или подзаконный акт не дают определения этого понятия, и государство-ответчик не утверждало, что этот недостаток восполнен судебной практикой; оно ссылалось на «определение понятия корреспонденции», содержащееся в министерском циркуляре от 1986 года. Тем не менее, такие циркуляры представляли собой служебные инструкции, передаваемые вышестоящим административным органом нижестоящим и, в принципе, не имели обязательной силы. Будучи изданы органом, не имевшим законодательных полномочий, они не могут считаться «законом» для целей Статьи 8 Конвенции. Таким образом, вмешательство властей в осуществление заявителем права на уважение корреспонденции не было «предусмотрено законом».

Кроме того, определение «корреспонденции», приведенное в циркуляре, исключало письма, «содержание которых не касалось конкретно и исключительно адресата». Такое определение несовместимо со Статьей 8 Конвенции, поскольку основывается на содержании «корреспонденции» и влечет автоматическое исключение целой категории частных контактов, которые могут поддерживать заключенные.

Постановление: нарушение (принято единогласно).

Статья 13 - Государственный совет Франции объявил неприемлемым заявление об отмене решения начальника тюрьмы, содержавшего отказ в

пересылке письма, сославшись на отсутствие полномочий рассматривать законность внутренних административных мер. Французское государство не утверждало, что заявитель располагал каким-либо иным средством правовой защиты, которое удовлетворяло бы требованиям Статьи 13 Конвенции.

Постановление: нарушение (принято единогласно).

В порядке применения Статьи 41 Конвенции. Европейский суд присудил выплатить заявителю компенсацию причиненного ему нематериального вреда в размере 12 000 евро.

Более подробно материалы дела изложены в пресс-релизе №406.

К бюллетеням Европейского суда по правам человека можно перейти по следующей ссылке: [Case-Law Information Notes](#)

© Совет Европы/Европейский суд по правам человека, 2012 г.

Официальными языками Европейского суда по правам человека являются английский и французский. Настоящий перевод не имеет обязательной силы для Суда, и Суд не несет ответственности за его качество. Данный перевод может быть загружен из базы данных по прецедентному праву HUDOC Европейского суда по правам человека (<http://hudoc.echr.coe.int>) или из любой другой базы данных, в которую он был внесен Судом. Текст перевода может воспроизводиться для некоммерческих целей, с обязательным указанием полного названия дела и вышеприведенным уведомлением об авторском праве. По вопросам, связанным с использованием какой-либо части перевода в коммерческих целях, обращайтесь по адресу: publishing@echr.coe.int.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012.

The official languages of the European Court of Human Rights are English and French. This translation does not bind the Court, nor does the Court take any responsibility for the quality thereof. It may be downloaded from the HUDOC case-law database of the European Court of Human Rights (<http://hudoc.echr.coe.int>) or from any other database with which the Court has shared it. It may be reproduced for non-commercial purposes on condition that the full title of the case is cited, together with the above copyright indication. If it is intended to use any part of this translation for commercial purposes, please contact publishing@echr.coe.int.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012.

Les langues officielles de la Cour européenne des droits de l'homme sont le français et l'anglais. La présente traduction ne lie pas la Cour, et celle-ci décline toute responsabilité quant à sa qualité. Elle peut être téléchargée à partir de HUDOC, la base de jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme (<http://hudoc.echr.coe.int>), ou de toute autre base de données à laquelle HUDOC l'a communiquée. Elle peut être reproduite à des fins non commerciales, sous réserve que le titre de l'affaire soit cité en entier et s'accompagne de l'indication de copyright ci-dessus. Toute personne souhaitant se servir de tout ou partie de la présente traduction à des fins commerciales est invitée à le signaler à l'adresse suivante : publishing@echr.coe.int